

Данилович Мария Владимировна, к. ист. наук, ст. преподаватель
Кафедра международных отношений
Белорусский государственный университет
ambermvd@gmail.com

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

Аннотация. В статье рассматриваются факторы формирования стратегической инициативы КНР «Экономический пояс Шелкового пути», а также её исторические предпосылки.

Ключевые слова и фразы: Китайская Народная Республика, внешняя политика. Экономический пояс Шелкового пути, Центральная Азия, международные отношения.

Danilovich Maria Vladimirovna, Ph.D. in History, Senior Lecturer
Department of International Relations
Belarusian State University
ambermvd@gmail.com

STRATEGIC INITIATIVE «SILK ROAD ECONOMIC BELT»: FACTORS OF FORMATION

Abstract. The article examines factors of formation of the PRC's strategic initiative «Silk Road Economic Belt» and its historical background.

Key words and phases: People's Republic of China, foreign policy, Silk Road Economic Belt, Central Asia, international relations.

После перехода власти к «пятому поколению» руководства КНР главной составляющей внешней политики страны стала стратегическая инициатива «Один пояс – один путь». Инициатива отличается масштабами географии предлагаемого сотрудничества и не без оснований оценивается экспертами как новый глобальный проект КНР. Её составная часть – концепция «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП), которая подразумевает углубление взаимодействия КНР с государствами Евразии посредством развития трансконтинентальных связей. С учетом участия в реализации ЭПШП Республики Беларусь и её ключевых внешнеполитических партнеров, актуальна постановка следующих вопросов: 1) каковы исторические предпосылки формирования концепции ЭПШП?; 2) какие внутренние и внешние для КНР факторы стимулировали выдвижение ЭПШП?

Что касается *предпосылок* идеи ЭПШП, то, в первую очередь, обращает на себя внимание важная роль, которая отведена в ней *Центральной Азии* (ЦА). Как известно, проект впервые был выдвинут именно в отношении государств ЦА осенью 2013 г. Исторически ЦА являлась территорией, на которой «державы» в ходе «Большой игры» соревновались за продвижение своих интересов в Евразии. Важность современной ЦА для национальной безопасности КНР обусловлена её соседством с СУАР КНР. В 19 в. политиком и мыслителем цинской эпохи Цзо Цзунтаном высказывалась мысль: «Управляя Синьцзяном, вы охраняете Монголию, охраняя же Монголию, вы оберегаете саму столицу» [цит. 1, с. 13]. Северо-западные территории оценивались как стратегически важные, успешное управление ими и сохранение должного уровня стабильности считалось одной из ключевых составляющих управления китайским государством.

Реформирование экономики КНР стало одной из причин диспропорции развития приморских и «внутренних» регионов страны и нарастания социальной напряженности на периферии. В конце 1990-х гг. ЦК КПК был принят стратегический документ №7, в

котором в качестве основной угрозы стабильности СУАР отмечались «этнический сепаратизм и нелегальная религиозная деятельность» [2, с.13]. Это, в свою очередь, усиливало важность конструктивной внешнеполитической линии в государствах ЦА в рамках «шанхайской пятерки» [подр.: 3]. На внутреннем уровне для решения проблемы экономических диспропорций была предложена стратегическая программа «Большого освоения Запада». Первостепенная роль в ней отводилась именно СУАР, который фигурировал в официальном дискурсе как «голова дракона», «основное поле боя» [4, с.15]. Программа предусматривала три этапа реализации с 2001 по 2050 гг. Официальная статистика к началу 2010-х гг. свидетельствовала о выполнении поставленных в рамках первого этапа (2001-2010 гг.) задач [5, с. 372], включавших активизацию внешней торговли СУАР и туризма посредством роста экспорта в государства ЦА, расширения трансграничного сообщения, создания международных зон свободной торговли. Задачи второго этапа требовали дальнейшей корректировки внешнеполитической линии в ЦА. При рассмотрении приграничных и не граничащих с КНР государств ЦА можно отметить, что в 2000-х гг. конструктивному взаимодействию с первыми способствовало урегулирование вопросов размежевания, результатом которого стало заключение долгосрочных договоров о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве с 2002 по 2007 гг. Данные документы позволяли в дальнейшем повысить уровень отношений до «стратегического партнерства» (с акцентом на экономическом сотрудничестве) в форме деклараций: в 2005 г. с первоначально важнейшим для реализации интересов КНР в ЦА Казахстаном, позднее в 2013 г. с Кыргызстаном и Таджикистаном. В целом, накануне выдвижения ЭПШП приграничные государства ЦА оказались в разной степени, однако ощутимо зависимыми от торгово-экономических связей с КНР вследствие активного кредитования КНР экономик соседей, а также расширения китайского участия в их горнодобывающих отраслях по схеме «ресурсы взамен на инвестиции». Несколько иная динамика наблюдалась в случае изначально менее приоритетных для КНР Узбекистана и Туркменистана. Узбекская сторона в силу внешнеполитического «балансирования» подходила к сотрудничеству осторожно, ссылаясь на защиту своего внутреннего рынка. Имело место вложение китайских инвестиций преимущественно в производственный и высокотехнологичный сектора. Де-факто в Узбекистане сохранялся значительный ввоз китайских товаров по «народным» каналам. К 2012 г. очередное охлаждение отношений Узбекистана с РФ и его выход из ОДКБ вызвали усиление альтернативных внешнеполитических векторов, в т.ч. декларирование отношений стратегического партнерства с КНР. Активизация сотрудничества КНР и Туркменистана произошла к концу 2000-х гг., что обусловили как специфика внешней политики Ашхабада, так и потребность КНР закупать за рубежом природный газ. После запуска газопровода «Туркменистан-Китай» наблюдался беспрецедентный тридцатикратный подъем двусторонней торговли [6], к 2013 г. доля КНР в экспорте туркменского газа достигла 60% [7]. На подобном фоне в 2013 г. были продекларированы отношения стратегического партнерства.

Таким образом, КНР значительно расширила свое присутствие в ЦА и установила стратегическое партнерство со всеми государствами региона. Тем самым была подготовлена почва для практической реализации концепции ЭПШП в Евразии, «центром» которой с геостратегической точки зрения является ЦА. Общий успех внешнеполитической линии в ЦА способствовал решению внутренних задач КНР: стабильного импорта природного газа, «открытия» СУАР, развитие высокоскоростного автомобильного сообщения с Кыргызстаном и Таджикистаном, достижение согласия со всеми государствами ЦА по вопросам борьбы с сепаратизмом и исламизмом.

ЭПШП была направлена и на решение сохранявшихся проблем между КНР и ЦА с максимальной реализацией интересов Пекина. Так, с середины 2000-х гг. наблюдалось несовпадение позиций по вопросам строительства железных дорог с участием КНР. Кроме того, несмотря на заявлявшийся успех Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) как площадки для многостороннего взаимодействия с государствами ЦА и с РФ, ряд

китайских инициатив в ШОС не был поддержан. При неизменном лоббировании КНР экономического трека в ШОС (идея зоны свободной торговли 2003 г., Антикризисного стабилизационного фонда), весомых результатов в реализации данного трека не наблюдалось. Для продвижения инициатив КНР требовался концептуально обновленный формат сотрудничества. Обращение к дискурсу возрождения древнего Шелкового пути, способствовавшего взаимному развитию цивилизаций, выглядело рациональным и риторически убедительным.

Говоря о *факторах*, важно заметить, что первоочередными для КНР оставались факторы внутренние, но именно их сочетание с внешними факторами стимулировало формирование концепции ЭПШП к 2013 г. Среди внутренних факторов, помимо смены руководства КНР и претворения в жизнь программы «Освоения Запада», следует отметить потребность в обновлении начатой «третьим» и активно реализовывавшейся «четвертым» поколением лидеров экономической политики «Выхода вовне». Вместе с задачами перехода от ориентации на экспорт к расширению внутреннего потребления и сферы услуг появилась необходимость «вывода за рубеж» излишних производств. Важным фактором оставалась и возрастающая потребность импорта энергетических ресурсов и сырья. Импорт нефти уже к 2008 г. достиг половины внутригосударственного потребления, в 2009 г. КНР стала вторым мировым покупателем данного ресурса [8]. Попытка перехода к устойчивому развитию была представлена в программе по замене угля на газ в промышленном производстве, с увеличением газопотребления до 10% от общих показателей потребления топлива к 2020 г. К 2013 г. Китай стал третьим крупнейшим мировым потребителем газа, импорт данного ресурса превысил 30% от внутригосударственного потребления [9]. Важность стабильных поставок нефти и газа также влияла на целевое наполнение концепции ЭПШП. Помимо этого, к 2010-м гг. «мыльный пузырь недвижимости» и успешное завершение ряда государственных проектов усилили угрозу роста безработицы, что, в свою очередь, вызвало потребность продвижения совместных проектов и возведения инфраструктурных объектов за пределами КНР.

Среди внешних факторов ключевой представляется сложившаяся у элит КНР к началу 2010-х гг. необходимость реагировать на идеи создания на региональном и глобальном уровнях новых геоэкономических и геополитических конструкторов (процессы вокруг Евразийского экономического союза, Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерства, Зоны свободной торговли ЕС и Японии). С учетом роста международного влияния КНР, среди целей данных проектов негласным было сдерживание КНР.

Формирование концепции ЭПШП (и в целом стратегической инициативы «Один пояс – один путь») указывало на то, что элиты КНР активно включились в процессы реконструирования существующих международных отношений. Сочетание внутренних факторов, преемственности и последовательности внешнеполитической линии КНР с рядом внешних условий привело к появлению ЭПШП как концепции экономического реконструирования Евразии с учетом интересов КНР. История формирования концепции указывает на ее гибкость и возможность её корректировки в перспективе, а в случае успешной реализации – возможность подключения КНР к геополитическому переконструированию международной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пань Чжипин. Ячжоу фуди диюань чжэнчжи вэньхуа яньцзю вэньцзи (Собрание исследований по геополитике и культуре Внутренней Азии). – Урумчи: Синьцз. нар. изд., 2011. – 369 с.
2. Чжао Хуашэн. Шанхай хэцзо цзучжи: пиншэ хэ фачжань (Шанхайская организация сотрудничества: оценки и обзоры). – Пекин: Шицзянь, 2012. – 280 с.

3. Данилович, М.В. Подходы к деятельности ШОС: Китай и Россия // Шанхайская организация сотрудничества и проблемы безопасности Евразии; под ред. А.А. Розанова.– Минск: БГУ, 2012. – С.25-52.

4. Ван Хайянь. Чжунья у го юй Чжунго Синьцзян цзинци хэцзю дэ хубусин фэньси (Анализ взаимодополняющего экономического сотрудничества китайского Синьцзяна с пятью странами Центральной Азии) // Дуноу Чжунья шичан яньцзю. – 2002. – №2. – С. 10-16.

5. Лю Чжункан. 2011-2012 нянь Синьцзян цзинци шэхуэй синши фэньси юй юйцэ (Анализ и прогнозы социально-экономической обстановки в СУАР: 2011-2012).–Урумчи: Синьцз. нар. изд.,2011.–379 с.

6. Чжунго юй оучжоу гоцзя маои тунци бяо: 2008-2013 нянь [Электронный ресурс]. URL: // <http://ozs.mofcom.gov.cn/article/date/> (Дата обращения: 11.10.2016).

7.Главы Туркменистана и КНР обсудили международные вопросы [Электронный ресурс] URL: // <http://www.trend.az/regions/casia/turkmenistan/2034703.html>. (Дата обращения:11.10.2016).

8.People's Republic of China [Электронный ресурс] URL: // <http://www.iea.org/statistics/statisticssearch/report/?country=CHINA&product=oil&year>Select>. (Дата обращения:15.01.2014).

9. Чжунго чжюяо нэньюань дуй вай ицуньду пань шан, цзыюань пинь динцзя шичанхуа ти су (Повысилась зависимость КНР от импорта основных энергоносителей, ускорился рост рыночных цен на ресурсы) [Электронный ресурс URL: // http://news.xinhuanet.com/fortune/2014-02/08/c_119244145.htm (Дата обращения: 11. 10. 2016).

УДК 321

Дацзышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук,
заведующий кафедрой всеобщей истории
Сибирского федерального университета,
профессор Красноярского государственного
педагогического университета,
профессор Хэбэйского педагогического университета
dazishen@mail.ru

КИТАЙЦЫ В РОССИИ В XVII – XVIII ВВ.¹

Аннотация. Статья посвящена проблеме китайцев в России на первом этапе истории русско-китайских отношений, от первых прямых контактов между двумя народами до оформления в 1728 г. системы русско-китайских отношений Кяхтинским договором. На основе опубликованных источников и работ исследователей дается целостная картина посещения разными представителями Китая, от военнопленных до чиновников, российской территории.

Ключевые слова. Русско-китайские отношения, Сибирь, Приамурье, пленные китайцы, цинские чиновники.

Vladimir Grigorievich Datsyshen, Doctor of History,
Professor and Chair, Department of general history,
Institute of the Humanities, Siberian Federal University,

---

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ, 17-01-00209/17-ОГОН. "Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев".